

УДК 130.2

ОТЛОЖЕННЫЕ КРИЗИСЫ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

В.П. РИМСКИЙ

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемы философско-методологического и дисциплинарно-научного подходов к пониманию этнического бытия и самосознания человека. Смещение этих двух уровней рефлексии (философской и научной) не является безобидным и лежит в основании мифологизации этнических модусов человеческого бытия, что представлено как теоретическими догмами и эпистемологическими стереотипами, так и социально-политическими мифами, блокирующими групповую и личностную этноидентичность в современной России.

Ключевые слова: этнос, нация, этничность, этнические модусы бытия человека, дуальноэтническое отношение, этнометафизика, социальная и философская антропология, мифологизация, социальные и политические мифы.

Несколько слов о названии статьи. Метафорический смысл концепта «*отложенные кризисы этноидентичности*» возник, разумеется, из контекста работ Э. Эриксона¹, который рассматривал «отложенные кризисы» применительно к идентичности личности: ее обретение, по мысли психолога, сопряжено с тем, что человек в различные периоды жизни не всегда достигает адекватной (рациональной) *идентичности как самодостаточности собственного бытия (и самосознания)* и, попадая в различные сложные и кризисные экзистенциальные ситуации, делая и отсеивая (критически и некритически) ошибки, откладывает рационализацию жизненного проекта и стратегий «на потом», *отодвигает реализацию собственного бытия в неопределенное будущее*.

По аналогии с кризисами личностной идентичности, думаю, можно речь вести и о кризисах коллективной (групповой) и личностной этноидентичности, сопряженной с «революционными» или «застойными» процессами в социокультурной и этнокультурной динамике России.

Этот концепт возник и в размышлениях над некоторыми интерпретациями этноса и этнокультурной истории России в работах Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, наиболее ярких представителей так называемого «примордиалистского» (эссенциалистского или субстанционалистского в терминологии Поппера) подхода и их оппонентов (прежде всего, В.А. Тишкова, работающего в методологических рамках конструктивизма), а также Б.Ф. Поршнева, одного из патриархов отечественной социальной, исторической и этнической психологии и системной антропологии.

Думаю, что в наших теоретических и эпистемологических стереотипах интерпретации многообразных проблем этносов и этничности (я сразу принимаю оба концепта – «этнос» и «этничность», не считая их столь уж несовместимыми) скрыты не только различные способы интерпретации некоторых исходных (мифологических) основания бытия человека, но кроются возможности и для использования различных теоретических конструктов и методологических схем в целях политической мифологизации действительности, *конструирования мифов* различного уровня в современных условиях.

Мне хотелось сразу же оставить в стороне попытки рассматривать те или иные концепции в качестве «устаревших»*, как это делает уважаемый В.А. Тишков в своих многочисленных критических репликах в адрес Л.Н. Гумилева, проявляя как бы некоторую благосклонность и снисходительность по отношению к «марксистской» теории этноса Ю.В. Бромлея, своего предшественника на посту директора Института этнологии и антропологии РАН. Те или иные *эпистемологические просчеты и наивности* Л.Н. Гумиле-

¹ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996; и др.

* Часто все новое оказывается хорошо забытым старым.

ва и фактическое построение *спекулятивно-метафизической теории этноса* (Поппер, например, считал вполне допустимым наличие в науке метафизических исследовательских программ²) не дают повода относить все сделанное им за десятилетия научного поиска к пугалу «примордиализма», а тем более говорить о «паранаучном засилье Гумилева»³. Засилье появляется там, где образуется, увы, пустота...

Первые* острые и достаточно публичные, выходящие за грани марксистского догматического канона дискуссии по проблемам этноса и этногенеза в нашей стране (одновременно аналогичные вещи происходили и на Западе, как отмечает В.А. Тишков), начались в 70-х годах прошлого века и достигли пика в период «перестройки»⁴. Тогда, на рубеже 70-х/80-х годов, я переосмыслил в своей кандидатской диссертации неконформистскую «философию этноса» Л.Н. Гумилева и, прежде всего, антропологические и психологические идеи Б.Ф. Поршнева, ученого также не признанного «марксистской общественностью»⁵. На защите осенью 1983 г. меня от марксизма отлучили, заявив, что «он всю историю выводит из сексного отношения», т.е. дуально-этнического, успешно «прокатили» (вторая защита состоялась через два года), но от своих концептов я не отказался и потом⁶, продолжая их критически переосмысливать до сих пор.

Главным серьезным оппонентом теории Л.Н. Гумилева до сих пор выступает В.А. Тишков, хотя на сайте научно-просветительского журнала «Скепсис»⁶ можно найти целый залп критических публикаций, которые, на мой взгляд, связаны не столько с критикой теоретических идей, сколько с философскими и спекулятивными темами, поднятыми ученым и несущими определенный потенциал мировоззренческой и политико-идеологической мифологизации (в их ряду, например, и так называемый «еврейский вопрос»). Философский смысл идей В.А. Тишкова можно реконструировать по монографии «Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003) и статьям в «Новой философской энциклопедии».

В.А. Тишков пишет о том, что концепт «этнос» (и более процессуальный «этничность»*) не имеют строгой категориальной рационализации: «В отечественном общественном сознании более широко употребляется термин «этнос» во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа (племя, народность, нация). Понятие этноса предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают данную группу от других, обладающих иными параметрами тех же характеристик. Общепринятого определения этноса не существует, но доминируют его определения как «этносоциального организма»

² См.: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М., 2000.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С. 34.

* Первые после сталинизма, хотя работы самого Сталина, как и его диалог с идеями Ленина по «национальному вопросу» заслуживают отдельного разговора.

⁴ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – №1. – С. 46-55; № 2. – С. 43-50; Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа, 1970. – № 2. – С. 51-55; Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – №2. – С. 80-82; Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа, 1971. – № 2. – С. 83-84; Бородай Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. – 1981. – №4. – С. 124-126; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Л., 1983; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990; Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990; и др.

⁵ Публично собственные идеи о речи-мифе как императивно-коммуникативном регуляторе **первичного дуальноэтнического отношения**, возникшие в переосмыслении дискуссий вокруг статей Л.Н. Гумилева и под влиянием работ Б.Ф. Поршнева, мною были высказаны в 1981 г. и опубликованы: Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СХНЦ ВШ. Обществ. науки. – 1983. – №1. – С. 55-60.

⁶ См.: Римский В. П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997 (текст монографии завершен в 1995 г.).

⁶ См.: <http://scepsis.ru>.

* Интересны его рассуждения о том, что понятие «этничность» в западной науке легитимизируется только с 70-х годов прошлого века. Почему? Не потому ли, что либеральная мысль вообще сбросила фактор «этничности» в прогнозах развития человечества, а он вдруг «напомнил» о себе с потрясающей жесткостью после распада колониализма и в условиях панамериканского варианта глобализации?

(Ю.В. Бромлей) или как «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилев). Концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов. Среди ученых также нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые свойственные общностям характеристики, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой⁷. Таким образом, он однозначно выступает противником примордиальной (эссенциалистской или субстанционалистской) методологии в понимании этноса (в марксистской этнологии, представленной Ю.В. Бромлеем, а в независимой, восходящей к идеям русского космизма и неоевразийства, Л.Н. Гумилевым), критикует инструментализм в интерпретации этноса и этничности, становясь на позиции социального конструктивизма в понимании этноса или этничности (этноидентичности).

Действительно, *неуловимость и процессуальность, мифологический символизм* и мощный *социально-символический конструктивизм* присутствуют в реальном бытии этносов. Но означает ли это, что они не имеют никакой онтологической (не путать с субстанциональной – это не одно и то же!) основы?

Оказывается и у В.А. Тишкова таковая «субстанциональность» есть: «Таким образом, этническая общность (народ, этнос) есть *общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям* (выделено мною – В.Р.), с которыми она находится в фундаментальных связях. Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта и процессов, с которыми связаны люди. Некоторые участники этих процессов идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они в культурном отношении очень близки»⁸. Однако, утверждение культуры (культурной идентичности) в качестве «основы» этносов и этничности – такой же «эссенциализм», как и в случае с марксизмом Ю.В. Бромлея или «космологической» теорией этногенеза Л.Н. Гумилева.

Только здесь в качестве «субстанции» рассматривается некая абстрактная «культура». Фактически *этничность растворяется в культуре*, хотя при этом В.А. Тишков дает самые что ни на есть тривиальные трактовки культуры и культурной идентичности, ставшие «общим местом» для отечественной философии культуры и культурологи еще в 70-е годы прошлого века.

Интересно, что В.А. Тишков в своей интерпретации нации, с одной стороны, вроде бы исходит из ее трактовки как «гражданской нации», а, с другой, критикуя субстанционалистский и конструктивистский подход (также близкий ему в понимании этничности) за некий «онтологизм» (читай: философию)* в проблеме нации за их фактическое слияние, становится на позиции обычного релятивизма: «Именно этот феномен реификации (превращение понятия в реальный предмет – В.Р.) нации как социального процесса, как события, а не только как интеллектуальной практики отмечается рядом современных авторов (Ф. Барт, Е. Брубейкер, Р. Суни, В.А. Тишков, П. Холл, Г.-Р. Уикер, Т.-Х. Эриксен). В свете этого подхода нацию возможно рассматривать как *семантико-метафорическую категорию* (выделено нами – В.Р.), которая обрела в современной истории эмоциональ-

⁷ Тишкова В.А. Этничность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. IV. – С. 482.

⁸ Там же. – С. 483.

* «Онтологический взгляд фактически разделяют и многие сторонники модернистских и конструктивистских подходов, которые рассматривают нацию как результат индустриализации и распространения «печатного капитализма», как результат неравного развития, роста коммуникационных и транспортных сетей и, наконец, как результат мощного интегрирующего воздействия современного государства (т. е. не нации создают государство, а государство создает нации). Субстанциональный подход не ограничивается только взглядом на нацию как на «объективную реальность», т. е. общность, имеющую объективные общие характеристики (язык, религия и пр.), но он включает также субъективные факторы национальной общности, как, напр., общий миф, историческая память или самосознание. Ибо и в этом случае нация понимается как социально сконструированная, но все же реально существующая группа» // Тишков В.А. Нация // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 43.

ную и политическую легитимность, но которая не стала и *не может быть научной дефиницией* (выделено нами – В.Р.)*. В свою очередь, национальное как коллективно разделяемый образ и национализм как политическое поле (доктрина и практика) могут существовать и без признания нации в качестве реально существующей общности»⁹.

Но тогда и не понятно: чем отличается концепт «гражданской нации» (в нашем случае «русской нации»), предлагаемый В.А. Тишковым для широкого пользования политическим элитам (и он позавчерашнее слово в западной науке!) от столь же близких по смыслам марксистских трактовок «нации», «национальной политики», «права наций на самоопределение», которые лежали в основе *советской практики конструирования «новых наций»* внутри «новой исторической общности советский народ»? Последняя, как мы видим, приказала долго жить.

Не эту ли же бомбу мы закладываем в процессе теоретического мифотворчества и под «русскую гражданскую нацию», искусственно конструируя ее и поддерживая те этносы в качестве «наций», которые не имеют реальных оснований для подобной консолидации? Очевидно, что необходимо более четко развести понятия «этнос», «нация», выделить в *концептах* метафорические смыслы и рациональные, *понятийно-категориальные* значения. Договориться, что мы не будем употреблять одни принципы и методологии для внутреннего научного дискурса, а другие – для политических рекомендаций в разработке технологий социального конструирования властными элитами, как это уже было в советский период. Президент Д.А. Медведев в некоторых своих заявлениях фактически поддерживал политику мультикультурализма, как наиболее приемлемую для современной России. Просто мы в своих теоретических и политических имитациях «мультикультурализма» одну социальную мифологию заменяем другой.

Этническое бытие само по себе является мощнейшим энергетическим источником мифогенеза, индивидуального и коллективного, а в ситуации кризиса этнокультурной идентичности порождает превращенные формы мифа, прежде всего, политического (часто индивидуальная, семейно-родовая мифология очень причудливо переплетается с мифологией этнокультурной и социальной). При этом одни мифы носят *продуктивный, проективный* характер, играя роль двигателя культурно-цивилизационных изменений, а другие – *деструктивный*, порождая как этнокультурные и социально-политические «химеры» (нет, все-таки работает концепт Л.Н. Гумилева!), так и политико-идеологические соблазны, заводящие в тупик элиты и индивидов, реальных субъектов истории.

Каждый может убедиться на собственном примере, попытавшись произвести реконструкции семейной, личностной и этнической идентичности. Начать мы всегда можем с простейших знаковых процедур: посмотреть в свой паспорт. Новейшим гражданским изобретением современных российских политиков стало устранение графы «национальность» из паспорта. Это вполне понятно.

Развал СССР был инициирован не столько какими-то социальными конфликтами (опустим горбачевский «сухой закон»), сколько необдуманной политикой партийной элиты во главе с М.С. Горбачевым, которая обострила внутри партии и интеллигенции резкую конкуренцию этнических элит, что и вызвало национальные противоречия и соответствующую *национальную (националистическую) мифологию* как мощный деструктивный фактор распада союзного государства и советской культурно-цивилизационной системы. Понятна озабоченность постсоветской бюрократии, которая посчитала, что, убрав графу из паспорта, можно устранить этнические основания бытия человека и межнациональные конфликты из социально-политической сферы.

Разумеется, знаковыми действиями дело не ограничилось. Я не буду останавливаться на политических и юридических актах (в том числе и конституционных), которые вызвали не только превращение бывших автономий фактически в «государства» и «на-

* В современной философии и эмистемологии давно стало общепринятым различать концепты, категории и понятия, что совершенно наивно путает В.А. Тишков // См.: Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.

⁹ Тишкова В.А. Нация // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. III. – С. 43. Он же. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. III. – С. 39-41.

ции», но и войны на Кавказе, терроризм и этноконфессиональный экстремизм по всей стране, в том числе, как видим в последнее время, и русский. Это было ожидаемо и предсказуемо. Факт того, что в наших паспортах отменили графу «национальность», нисколько не смущает «этноты» и «субэтноты», образующие «россиян», и не гарантирует нас от приступов националистической истерии (это касается и русских).

В связи с этим хотел бы выдвинуть два тезиса, которые, разумеется, требуют специальных исследований, проверки или опровержения:

1. В рамках «имперских» (державных, этатистских) форм развития гражданских наций, этносов и этничности возникали и могут возникать отложенные и задержанные кризисы этноидентичности, прежде всего, это касается славянских народов: украинского, белорусского и... русского (!). Подмена (замещение, сублимация) этноидентичности в формах конфессиональной, этатистской, социальной, политической, культурной или цивилизационной идентичности не снимает напряжения в развитии этносов, не способствует национальному развитию и становлению национального самосознания и культуры.

2. *Никогда, до сих пор не было единого «русского народа»*, с какой методологией мы не подходили бы к этой проблеме – примордиальной, инструменталистской или конструктивистской. Были отдельные субэтноты и даже вполне самостоятельные этноты, которые подвергались насильственному упрощению в рамках имперской (конфессиональной, этатистской) или псевдоимперской (интернациональной) идентичности.

Каждый из нас может проиллюстрировать эти моменты на личном «опыте этничности». Так или иначе, все мы, рано или поздно, задумываемся о своих *онтологических основаниях*. И в этом ему на помощь приходит семейно-родовая мифология. Здесь, на антропологическом уровне неуловимой личностной этнической идентичности, становится очевидно, что субстанциалистская методология понимания этничности вполне уживается с конструктивистской.

Можно ли устранить этнические основания бытия человека теоретическими идеологемами, символическими действиями или политико-юридическими актами? Разумеется, нет. Этничность, этнос, как и индивидуальная телесность, семья, язык и вера (религия), входит в самые глубинные, *первичные, онтологические основания* бытия человека. Хотя бытие как таковое, разумеется, к ним не сводится.

«Дом бытия» (Хайдеггер) включает не только язык и речевые практики – онтологические, экзистенциальные смыслы задаются окружающей природой и повседневным бытом, поговорками и семейными воспоминаниями, семейными легендами, замешанными на родовой мифологичности, и традиционной конфессиональностью, когда крещение, первое и неосознанное причастие и потом на руках прабабушки, всплывающие из прошлого, вдруг, озарениями врываются в твою память, будто из другого забытого, но живого мира, из времени, которое потерял и к которому идешь...

Старый домик с голубыми ставнями и сад с корявыми и слизающимися клеем от старости вишнями, груша в соседском дворе и запах сухого укропа в огороде, тропинка в степи, ведущая к высохшему ставку, поросшему прошлогодним чаканом, отцовские кирпичи в прихожей и лопата на веранде с отшлифованным до блеска черенком, которая всегда *под рукой*, запах белья с мороза, что внесла с улицы мама, и вкус жареной картошки, серый потертый томик Пушкина 1937 года издания и телега, везущая маленький гроб с телом бабушки в старую церквушку на окраине поселка – это знаки *при-сутствия* чего-то большего в мире, чем *ты сам*, свидетельство *пре-бывания* здесь и сейчас, здесь и всегда...

На мой взгляд, если даже обратиться к опыту своей собственной, личностной этноидентичности, мы обнаружим поразительный факт: именно в случае с русским народом (украинским, белорусским) мы имеем феномен *размытой, мозаичной этнокультурной идентичности*, коллективной и личностной. Наверное, это связано и с тем, что именно средний уровень – культура повседневности, связанная с личностной онтологией, – до сих пор не был сформирован в нашем цивилизационном развитии и индивидуальном бытии.

Потому на уровне наших повседневных взаимоотношений возникают и наиболее болезненные *социальные мифы*. Прежде всего, *миф о национальном угнетении* украинцев (белорусов, чеченцев, эстонцев и т.д., и т.п.) русскими*. Наверное, с большинством

* Свою лепту в *миф о «великорусском шовинизме»* в свое время внесли и народники, и эсеры, и меньшевики, и большевики. Поэтому вряд ли стоит серьезно воспринимать миф «новорусских коммунистов» о «русском националисте Сталине».

фактов не поспоришь. И, кстати, многие русские этот миф легко принимают (и не только русские интеллектуалы!).

Любой миф вызывает обратную реакцию. Еще в последние годы советской власти русские националисты выдвинули *миф об имперской державности русского народа*, отличающейся от американского и прочего мультикультурализма и служащей гарантией «свободного» развития народов и наций в составе российской империи (а потом и СССР, продолжившего традиции «имперской державности»). Именно в рамках имперско-православной, а потом советской державной (этатистской) идентичности якобы и происходило «свободное развитие народов». А я думаю, что *именно здесь надо искать корни нашей отложенной этнокультурной идентичности*.

В этой связи интересно взглянуть на казаков, как отдельный самостоятельный этнос, который смог развиться до нации только на Украине. Интересно обратиться и к этимологии слова «Украина», которое очевидно происходит от «Окраина», «пограничная область», которое часто применялось к пограничным землям Руси. В русской литературе вплоть до конца XIX столетия слово «украина» использовалось в значении «предел, находящаяся у края земля». Существует также версия в «новоукраинской» исторической науке, что название Украины происходит от слова «край», «краина» (укр. «країна»), то есть просто «страна», «земля заселённая своим народом». Есть и еще один смысл: «украина» – это то, что «укрывает», «таит». Именно южнорусские казачьи земли и стали той страной, которая «укрыла», «утаила» лучших людей рухнувшей Киевской Руси и породила самый энергичный, самый «пассионарный» народ в истории славянства.

При этом сюда входят, прежде всего, запорожские, донские и терские казаки, давшие начало всем другим ветвям казачьего, *южнорусского этноса*, который и провел военную и культурную колонизацию Сибири и Кавказа, однако, постоянно и планомерно лишался собственной этноидентичности, культуры и хозяйственного уклада, начиная с Петра I и Екатерины II сводился на *субэтнический* уровень. В советское время этот уже субэтнос находился на грани уничтожения, а сейчас приобрел оксюморные, химерические и маскарадные формы.

В связи с этим уместно вспомнить и о «*слобожанском*» *мифе*^{*}, который сейчас развивают не только украинские националисты, но и некоторые белгородские политики и ученые: Белгородчина, действительно, порубежный край, край, который осваивали не только запорожские и донские казаки, но и украинские и русские крестьяне, «хохлы» и «кацапы». Только причем здесь какая-то «слобожанщина», не имеющая ни исторической, ни этнической, ни культурно-цивилизационной укорененности и обоснованности?

Одиннадцать лет назад на областной научно-практической конференции «Христианство и русская культура» (январь 2000 г.)¹⁰ я отмечал, что в мире возможны три сценария развития «ситуации человечества» – панамериканский, эсхатологический и сценарий культурно-цивилизационного многообразия. К сожалению, как мы наблюдаем, более всего имеет шансы *худший вариант*, эсхатологический сценарий развития человечества и России. При этом варианте, как я писал, постсоветская Россия может создать новый *мобилизационный культурно-цивилизационный проект* (здесь-то мы всегда были сильны) по типу реформ Петра I или Сталина^{*}, который вполне может привести Россию к имперскому соблазну, к достижению определенной гегемонии в мире и даже к какому-то экономическому и технологическому рывку. Именно в рамках реализации путинского мобилизационного проекта модернизации и возникает сейчас *теоретический и идеологический миф о «российской гражданской нации»* (вспомним знаменитое «россияне» Ельцина). Можно привести и еще ряд этнополитических мифов из истории постсоветской Рос-

* Хорошая иллюстрация к моей мысли – материал, помещенный ниже в рубрике «Научная жизнь и коммуникации».

¹⁰ Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: научно-богословский сборник. Под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2002. – С. 14-23.

* И мы видим, что мобилизационная политика В.В. Путина по созданию «вертикали власти» прямо ориентировалась на эти две символические фигуры (на Сталина скрыто, часто «проговариваясь» на бессознательном уровне). Будет ли и дальше реализовываться путинский мобилизационный сценарий – непонятно.

сии, показать их связь с мифологией социально-политической, а также их конструктивистскую связь с определенными «теориями этноса» или «концепциями этничности». Это уже выходит за рамки нашей статьи (подробнее будет в коллективной монографии и других публикациях).

В упомянутом выше докладе на конференции «Христианство и культура», а также в ряде статей¹¹ я говорил и писал о феномене «новой этничности», который требует вдумчивого и непредвзятого осмысления. И если политики и ученые, охотно или нет, признали «феномен религиозного возрождения» в постсовременном мире, то факт новой этничности пытаются исследовать в *эпистемологических парадигмах периода модерна* (к ним я отношу и парадигму конструктивизма¹², которая возникла еще в 30-е годы XX века, поэтому В.А. Тишков никак не может считаться «постмодернистом»). Ведь дело не в том, что есть «плохие, устаревшие» и «хорошие, новые» эпистемологические парадигмы исследования этносов и этничности. Если «примордиалистская парадигма», при всей схематичности ее трактовки, как и гумилевская метафизика этноса*, возникли и «работают» на материале истории этносов и этнических процессов в традиционных и транзитивных к модерну обществах (при этом сами ученые, как правило, являются профессиональными историками), то конструктивистская методология сформировалась в условиях кризиса общества классического модерна, тоталитаризма и его гибели, работала весьма эффективно в исследовании этничности до 90-х годов XX века, но дает сбой при исследовании феноменов «новой этничности» рубежа XX и XXI веков.

Этнический модус бытия в формах *культурного многообразия* все настойчивее врывается в социокультурную динамику постсовременности. Это, прежде всего, миграция многочисленных народов из отсталых регионов Юга и Востока в развитые страны Запада и США. Для либералов миграционные процессы конца прошлого века первоначально показались наступлением долгожданного космополитического царства глобализации, в котором экономико-политические тигли переплавят арабов, турок, евреев, албанцев и иже с ними в «граждан мира». Именно на этой волне проходила пропаганда мультикультурности, защита прав этноменьшинств и представителей маргинальных субкультур (типа гомосексуалов). В этот сценарий попал и этнокультурный конфликт в геополитическом пространстве СССР, защита чеченских сепаратистов и безразличие к миллионам русских, оказавшихся за пределами постсоветской России. Но после превознесения мультикультурности и мультиэтничности в качестве *новых либеральных ценностей* грядущей глобальной цивилизации вдруг наступило отрезвление под холодным душем политических успехов «новых правых» и террористических актов 11 сентября 2001 г.

Стало бесспорным, что фактор «новой этничности» определяет не только геополитическое поле человечества, но и повседневность каждого человека. Террористические взрывы в Нью-Йорке и Москве, Испании и Турции, американские бомбежки Сербии на православную пасху, войны в Косово и Чечне, Афганистане и Ираке, «арабские революции» ударили не по элите, а ворвались в жизнь простых американцев, русских, чеченцев, арабов, сербов...

Особенно остро ситуацию «новой этничности» переживает молодежь. В начале 80-х годов XX века поколение наших старших детей не могло себя идентифицировать в качестве «русских». Сейчас картина иная: поколение наших младших детей, родившихся в конце восьмидесятых/начале девяностых, очень остро ощущает свою «русскость». При этом в качестве антагониста в конструировании дуальноэтнической идентификационной оппозиции «мы – они» часто оказываются не «американцы» и даже не «чечены», а украинцы («хох-

¹¹ См.: Римский В.П. Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России // Россия: духовная ситуация времени. М.: Изд. РГСУ «Союз», 2007. – № 3-4. – С. 35-45; Римский В.П. Этнокультурная идентичность личности: славянским мир в контексте глобализационных сценариев // Філософія спілкування: Філософія, психологія, соціальна комунікація. Науково-практичний журнал. – №3. – Харьков, 2010. – С. 32-38; и др.

¹² См.: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

* О ней мы поговорим подробнее в коллективной монографии по материалам конференции, ибо она фактически стала одним из вариантов философской теории цивилизаций.

лы»). При этом идентификация «я – русский» в устах современной молодежи приобретает, увы, все более агрессивные интонации.

Как бы мы не пытались реанимировать старые советские мифы о «славянском единстве русских, украинцев и белорусов» и даже мумифицированные идеи панславизма, очевидно, что «на повестке дня» для современной молодежи стоит даже не осознание себя в качестве «славян», а идентификация себя «русскими», «украинцами», «белорусами». Привлекательность образа Мазепы в этномифологии нынешних «новых украинцев» задается не столько официальной пропагандой, сколько рождается в самой молодежной среде. Националистическую белорусскую оппозицию поддерживают не политические маргиналы среднего поколения, как считает официальная пропаганда Белоруси, а студенческая молодежь и молодые интеллектуалы контркультурной ориентации. Эдичка Лимонов, нонконформист семидесятых, не выдумал национал-большевизм, а уловил своей писательской интуицией в атмосфере современных молодежных тусовок, где образ «буржуя» однозначно ассоциируется с «азерами» или «жидами»...

Можно констатировать тот факт, что если до середины девяностых годов прошлого века в молодежной среде преобладали ценности криминально-экономические, то сейчас вектор начинает смещаться в сторону *культурно-этническую*. Для современной русской молодежи очень важно не только то, что можно заработать большие деньги, но и то, что их должны зарабатывать русские (это «хорошие деньги»).

Что с нами происходит? Да то, что наше «братское единство» первоначально на пространствах Российской империи (надо отбросить предубеждение по отношению к империи, ибо *империя – способ существования цивилизации*), а затем на тоталитарных просторах советского «поля чудес» *затормозило становление национального самосознания* не только и не столько украинцев или белорусов (в советское время «русский национализм» был чем то из ряда вон выходящим!), *сколько русских*. Это и есть самый болезненный для нас кризис – *кризис отложенной русской этнокультурной идентичности*. Мы, наверное, впервые после Куликовской битвы, Смутного времени, Бородинского сражения и Великой Отечественной войны XX века столь болезненно ощутили себя русскими. Потому наши старики ностальгически вспоминают сталинский послевоенный тост «За русский народ!» и всю псевдорусскую мифологию советского периода. Но нынешнюю молодежь на советской «мифологической мякине» не проведешь!

Помимо «новой этничности» во всем мире и в славянском регионе Восточной и Центральной Европы зреют и другие тенденции, связанные с экспансией западноевропейских и американских культурных ценностей, транснациональной глобализацией. Если мигранты из стран мусульманской или индубуддийской периферии плохо поддаются вестернизации, то христиане-славяне легко вписываются в западный контекст размывания этнокультурной и конфессиональной идентичности. Можно ли в ситуации развития современных индустриальных и постиндустриальных технологий всерьез говорить об отрицании глобализации вообще, как это делают наиболее радикальные антиглобалисты, или о противопоставлении глобализации «новой локализации» и «регионализации»? Думаю, что нет.

Н что можно противопоставить унификационному проекту западной глобализации?

Мы уже неоднократно вели речь о варианте *многополюсного, открытого культурно-цивилизационного проекта*, без неограниченного либерального плюрализма, с наличием *подвижной ценностной иерархии* в обществе, в идеологии, в духовной жизни, с признанием этнокультурной и конфессиональной идентичности народов и людей.

В заключение хотелось бы отметить, что сейчас, кажется, пробиваются ростки идеи *транснационального глобализма*, который дополняет до логического конца проект открытого, *многополюсного, полиэтнического и мультикультурного человечества* (а не «мультикультурализма» отдельной «гражданской нации»). Что здесь имеется в виду? Прежде всего, факт *признания глобальной значимости этнокультурной составляющей бытия человека и человечества*. Глобальные экономические, информационные, политические и иные связи не должны стирать эту этнокультурную идентичность стран, народов и простых людей.

Список литературы

- Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
- Бородай Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. – 1981. – №4. – С. 124-126.
- Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа, 1970. – № 2. – С. 51-55.
- Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа, 1971. – № 2. – С. 83-84.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Л., 1983.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – №1. – С. 46-55; № 2. – С. 43-50.
- Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – №2. – С. 80-82.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990.
- Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.
- Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – 1983. – №1. – С. 55-60.
- Римский В. П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
- Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: научно-богословский сборник. Под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2002. – С. 14-23.
- Римский В.П. Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России // Россия: духовная ситуация времени. М., 2007. – № 3-4. – С.35-45.
- Римский В.П. Этнокультурная идентичность личности: славянским мир в контексте глобализационных сценариев // Філософія спілкування: Філософія, психологія, соціальна комунікація. Науково-практичний журнал. – №3. – Харьков, 2010. – С. 32-38.
- Тишкова В.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. III. – С. 39-41.
- Тишкова В.А. Нация // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 41-43.
- Тишкова В.А. Этничность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. IV. – С. 482-484.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.
- Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М., 2000.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

POSTPONED CRISIS OF ETHNIC IDENTITY IN THE MODERN RUSSIA: THEORETICAL STEREOTYPES AND POLITICAL MYTHOLOGY

V.P. RIMSKIY

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses the issues of philosophical and scientific approach to ethnic groups and nations, ethnical being and human self-consciousness. The mixt of these two levels (philosophical and scientific) of reflection is rather dangerous and grounds the mythologisation of ethnic human being. Such myths are represented by theoretical dogmas and stereotypes and political myths.

Key words: ethnos, nation, ethnic grounds of human being, ethnic philosophy, social and philosophical anthropology, mythologisation, political myths.